

Ларина Л.Ю.,
кандидат философских наук, доцент
кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Техника как объект мифологизации

Автор анализирует основные причины и следствия современного процесса ремифологизации техники. Рассматриваются наиболее популярные мифы-катастрофы и мифы о технике как универсальном средстве решения проблем. Отмечается, что соответствующие мифологические представления могут формироваться вследствие абсолютизации отдельных аспектов технического развития, но иногда они создаются преднамеренно с целью манипулирования массовым сознанием.

Особое внимание уделяется вопросам понимания учеными и инженерами профессиональной и социальной ответственности в условиях распространения техно-мифов. Подчеркивается, что для минимизации рисков внедрения новейших научно-технических разработок необходим всесторонний анализ и разграничение мифа и реальных закономерностей эволюции техносферы.

Ключевые слова: мифологизация техники, научно-технический прогресс, сложные технические системы, профессиональная ответственность в науке и технике, социальная ответственность ученого и инженера, техническая реальность, техносфера, последствия техники.

Larina L. Yu.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science
Orel State University named after I.S. Turgenev

Technology as an object of mythologization

The author analyzes the main causes and consequences of the modern process of remythologization of technology. The most popular catastrophe myths and myths about technology as a universal means of solving problems are considered. It is noted that the corresponding mythological representations can be formed as a result of the absolutization of certain aspects of technical development, but sometimes they are created deliberately with the aim of manipulating the mass consciousness.

Particular attention is paid to the issues of understanding by scientists and engineers of professional and social responsibility in the context of the spread of techno-myths. It is emphasized that in order to minimize the risks of introducing the latest scientific and technical developments, a comprehensive analysis and delineation of the myth and real laws of the evolution of the technosphere is necessary.

Keywords: mythologization of technology, scientific and technological progress, complex technical systems, professional responsibility in science and technology,

social responsibility of a scientist and engineer, technical reality, technosphere, the consequences of technology.

Современная техника становится все более сложной и человек все в большей степени оказывается зависим от нее. Это многократно актуализирует задачи предвидения результатов технического прогресса и компетентной оценки рисков внедрения новейших технологий. Именно в этой связи приобретает особую значимость анализ всевозможных мифологических представлений о технике, активно циркулирующих как в специальной литературе, так и в средствах массовой информации, и препятствующих ясному пониманию реальной картины формирующейся техносферы и возможностей эффективного управления техническим развитием.

Есть такие феномены, которые составляют неотъемлемую часть нашего бытия, а между тем их глубинная суть неизменно ускользает от человеческого понимания. Одним из таких феноменов является техника. Понятие техники – одно из самых сложных, многоаспектных и трудноопределимых. Можно говорить о технике как орудии или технике игры на фортепиано, психотехнике или технике решения логических задач. В данном контексте нас будет интересовать техника как создаваемые человеком артефакты, соответствующий род деятельности и знания – то есть техника, предстающая в качестве культурного кода техногенной цивилизации.

Насколько правомерно связывать современную технику и мифологию? Скорее следовало бы предположить, что в мире, где главным ориентиром объяснения и понимания является наука, мифам уже не может быть места. Однако на самом деле это не так. Более того, начиная с конца XX века, в философии науки и техники заговорили об активном процессе ремифологизации [Автономова, 1990: 52-53].

Данное обстоятельство может быть воспринято как некоторый парадокс, учитывая, что по своему происхождению и по своей сути научное мышление противостоит мифологическому – философский Логос исторически вытесняет миф, начиная новую эру человеческой истории, разворачивающуюся уже с опорой на философское мировоззрение и научную картину мира. Между тем, исследование широко распространенных в наше время представлений о технике показывает, что не только не произошло развенчания всех мифов, но наука и техника оказались наиболее излюбленными объектами мифологизации.

Признаки мифологии можно обнаружить во многих рассуждениях о технике, например, свойственное мифологическому сознанию восприятие и понимание окружающего мира как одушевленного, персонифицированного. Даже во многих серьезных философских работах техника интерпретируется как самостоятельная, независимая, иногда буквально мистическая сила – спасительная или с неотвратимостью трагического рока увлекающая пробудившее её человечество к неминуемой катастрофе.

Выяснить причины ремифологизации техники непросто, но крайне важно для противодействия распространению техно-мифологии. Одной из наиболее

очевидных таких причин видится усложнение техники. Понимание принципов её функционирования, как и тех многочисленных изменений, которые она вносит в человеческую жизнь, требует всё больших интеллектуальных усилий, эрудиции и образования не только в области непосредственно технического знания, но и естественных и социально-гуманитарных наук. Однако обучаться, исследовать и понимать всегда гораздо сложнее, чем принимать мифологические объяснения. Поэтому именно миф, а отнюдь не наука, становится средством, с помощью которого человек пытается «гармонизировать» окружающий мир. Иначе говоря, речь идет о возрастающей роли компенсаторной функции мифологического мышления.

Тематика «техно-мифов» крайне разнообразна и меняется в широком диапазоне от катастрофизма до восторженного преклонения перед якобы неограниченными возможностями техники и технического переустройства человеческого бытия. Но в любом случае мифологизация техники отнюдь не является безобидным явлением.

Следует обратить внимание на тот факт, что иногда мифология техники формируется целенаправленно с целью манипулирования массовым сознанием. Но, как ни парадоксально, нередко она «подпитывается» весьма глубокими философскими исследованиями, авторы которых явно стремились не к созданию мифов, а к научному пониманию объективных закономерностей и проблем развития технической реальности, то есть преследовали совершенно иные цели.

Например, объявляя «демонизм» важнейшей особенностью техники, Ясперс подразумевает, что научно-технический прогресс всегда имеет такие следствия, которые совершенно невозможно было предвидеть заранее, но которые неотвратимым и иногда самым катастрофическим образом влияют на человеческое существование [Ясперс, 1986: 120]. Иначе говоря, прогресс техники диктует собственные условия, на которые человек вынужден соглашаться, будучи не в состоянии остановить развитие техники, отказаться от нее, от совершенствования технических устройств и технологий.

Еще более определенно по этому поводу высказывается Ф. Юнгер. «Техника, – пишет он в своей знаменитой работе «Совершенство техники», – представляет собой изменяющую, преобразующую, разрушающую силу... Человек пробудил духов стихий и навлек на себя их месть. Против него с неприкрытой враждебностью ополчилось гигантское скопление стихийных сил, управляемое механикой; в этом состоит тот регресс, объем которого прямо пропорционален объему продолжающегося технического прогресса» [Юнгер, 2002: 236-237]. Как и Ясперс, Юнгер рассуждает о «демоническом характере происходящего». Человек возомнил, что с помощью техники он поставил себе на службу силы природных стихий, и только сейчас начинает замечать, что они сами связали его по рукам и ногам. Механическое мышление подвергает все окружающее беспощадному насилию, относясь к миру, как к мертвому. И, если бы Вселенная действительно была исключительно мертвенно-механической, то совершенствование техники оказалось бы безопасной затеей. Но Вселенная – это не только мертвое пространство с механическими

взаимодействиями, но и жизнь, поэтому безжалостное техническое вмешательство человека в тело Вселенной, «механическое резание глубоко по живому» встречает ожесточенное сопротивление, которое бьет по человеку с беспристрастностью юридического предписания, точностью часового механизма, «отмеряющего мертвое время». «Как гласит поверье, – продолжает Юнгер, – обычное состояние демонов – сон, для того чтобы они начали действовать, их нужно сперва разбудить, проникнуть в их сферу. Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что они вполне пробудились» [Юнгер, 2002: 238].

Характерно, что работы обоих философов часто используются современными авторами в качестве примеров мифологизации. Между тем, необходимо учитывать, что ни Ясперс, ни Юнгер никогда не настаивали на том, что создали единственно верную и всеобъемлющую картину технической реальности, понимая бесконечную сложность и многомерность как самого феномена техники, так и ее взаимодействия с «не техническими» сферами. По существу, их интересует проблема предвидения последствий и риски научно-технического развития. Но это есть лишь один из аспектов техники.

В мифологии происходит абсолютизация «демонического» характера техники, вследствие чего положение человека сводится к положению её раба. Но тогда с человека снимается всякая ответственность за происходящее. Он «всего лишь» пробудил демона техники, с разрушительной силой которого бессмысленно бороться. И, если техника – неуправляемый демон, остается только принять её как неизбежность.

Однако подобные утверждения существенно искажают реальное положение дел. Конечно, техническая реальность является объективной реальностью и научно-техническое развитие представляет собой объективный процесс. Но ошибкой было бы полностью снимать с человека ответственность за последствия техники, которые в значительной степени определяются его собственным выбором. В конечном счете именно человечество (пусть даже отдельные люди с молчаливого, пассивного согласия большинства) решает, с какой целью использовать все более и более возрастающие возможности науки и техники – создавать новые виды оружия или высокотехнологичное медицинское оборудование, строить концлагерь или научно-исследовательский центр, вкладывать средства в производство химикатов или развивать органическое земледелие.

Весьма интересны в контексте проблемы мифологизации техники рассуждения Н.А. Бердяева. По его убеждению, техника имеет религиозный смысл. Бердяев «встраивает» свои представления о технике в общую картину трагизма человеческого существования в объективированной реальности. Он полагает, что в технике раскрывается тайна грехопадения. Все, что происходит с человеком в мире техники, есть повторение библейской истории – творение восстает на своего творца. При этом прометеевский дух человека не в состоянии справиться с порожденной им техникой, не может совладать с высвобождаемыми энергиями и природными стихиями. Техника становится

трагическим роком, расплатой за совершённое предательство Создателя [Бердяев, 1933: 11].

И все же, несмотря на то, что техника рассматривается Бердяевым как судьба человеческой личности в посюстороннем мире, можно заметить, что здесь с человека отнюдь не снимается ответственность за последствия техники, хотя речь, скорее, идет о трансцендентной ответственности – ответственности в высшем, абсолютном смысле слова, а не о профессиональной или социальной ответственности исследователя или инженера за предполагаемые цели и конкретные результаты своей научно-технической работы.

Как видим, миф является важной причиной проблематизации ответственности в сфере техники. Мифологизируя технику и, в частности, представляя ее как абсолютно самостоятельную, ни от кого не зависящую силу, человек руководствуется соблазном сложить с себя вину за все те нежелательные изменения, которые он производит в окружающем его мире и в себе самом посредством техники.

Подобного рода мифы возникают на основе смешения понятий объективности и рока, судьбы. Техническая реальность представляет собой объективную реальность. С ее объективно существующими закономерностями приходится считаться. Но это отнюдь не отменяет возможности и необходимости ответственного управления развитием техники.

Итак, мифы-катастрофы о демонизме и апокалиптическом характере техники внедряют в сознание ощущение бессмысленности попыток рациональной организации научно-технического развития и предотвращения негативных последствий техники. Однако на примере АЭС Фукусима 1 японский профессор Юничи Мурата демонстрирует не менее отрицательное влияние на понимание учеными и инженерами собственной ответственности за результаты функционирования современных технических систем исключительной сложности так называемых «мифов о безопасности». Он отмечает, что технические комплексы, подобные атомным электростанциям, всегда представляют собой системы взаимодействия техники со средой – их работа определяется многими внешними факторами, как сугубо природными, так и социальными, антропогенными, культурными и т. п. Причем, далеко не все эти факторы могут быть заранее учтены. Поэтому при эксплуатации сложных систем неизбежно остается вероятность катастроф, которая ещё увеличивается вследствие «мифа о безопасности», иногда искусственно культивируемого. Автор отмечает, что этот миф уже довольно давно циркулирует в философских рассуждениях о технике. Так, известна идея Ф. Бэкона о технике как силе, дающей власть над природой во благо человека. Подобным же образом могут быть интерпретированы взгляды на технику многих известных философов. Однако такое отношение к технике вводит в заблуждение и не позволяет правильно оценить возможные риски.

Важно, что проблема безопасности сложных («многомерных») технических систем не является исключительно инженерной. Все в большей степени она становится проблемой этики. Это означает необходимость быть

более внимательными [Мурата, 2013: 60]. Иначе говоря, ученые, инженеры и обслуживающий персонал должны четко осознавать профессиональную и социальную ответственность.

Интересное исследование технократического мифа, в том числе в контексте проблемы ответственности, принадлежит отечественному социологу Р.Н. Абрамову, который в качестве профессиональной технократической мифологии рассматривает «теорию упущенного шанса» советской кибернетики. Абрамов полагает, что данная теория возникла в среде постсоветской научно-технической интеллигенции как результат разочарования в демократических реформах и идеализации недавнего советского прошлого, травмы «быстрого сжатия» профессиональных отраслей. Теория упущенного шанса стала попыткой оправдания неудач советской промышленности и, в частности, советской кибернетики, компьютерной техники и информатики. Суть данной теории заключается в том, что несколько стратегически неверных решений правительства СССР, принятых во второй половине 1960-х годов и предусматривающих прекращение отечественных конкурирующих разработок и ориентацию на IBM и DEC, были для компьютерной отрасли страны роковыми. Якобы именно эти решения оказались поворотным пунктом в развитии советской индустрии вычислительной техники и, по существу, привели её к краху. При этом не учитывается, что американские компании добились мирового лидерства, установив свою гегемонию не только в СССР, но и практически во всех технологически развитых странах, в которых осуществлялась значительная финансовая и организационная поддержка отраслей компьютерной техники и программного обеспечения.

Аналогично сторонники теории упущенного шанса считают неверно принятые стратегические решения причиной неудачи проекта по созданию автоматизированных систем управления, которые (АСУ) рассматриваются чуть ли не как прообраз Интернет.

Однако Абрамов придерживается иного мнения и весьма убедительно обосновывает, что теории упущенного шанса есть результат поиска оправдания нынешнего положения и являются мифологическими, представляют собой «ностальгическую реминисценцию». Для постсоветского инженерного сообщества «теории упущенного шанса также оказались удобной подпоркой сознания, которые перекладывали ответственность за отставание страны в той или иной области (от вычислительной техники до производства туалетной бумаги) с профессиональных сообществ на партийно-хозяйственную номенклатуру, принимавшую ошибочные решения» [Абрамов, 2017: 73]. Теории упущенного шанса – это мифы, согласно которым страна могла бы сохранить лидерство в определенной отрасли промышленности, повернись история немного иначе.

Не меньше проблемных вопросов связано с мифами о технике как всемогущей силе, способной в буквальном смысле совершать чудеса, позволяя неограниченно переделывать мир по усмотрению человека и решать, если и не любые, то, по крайней мере, очень многие проблемы человеческого

существования. К таким мифам Е.Д. Шетулова относит популярную в XX веке идею покорения Вселенной: реализация подобного рода проектов не зависит исключительно от технических возможностей и в не меньшей степени определяется возможностями человеческого разума познавать окружающую реальность, а эти возможности отнюдь не безграничны.

Уже в XXI веке аналогичным образом активно мифологизируется компьютерная техника, информационно-коммуникационные технологии и информационное общество. В частности, распространенное представление о компьютерных и информационных технологиях как монополистах научно-технического прогресса является неверным, а точнее – мифологическим. При более беспристрастном анализе становится очевидным, что не менее важную роль в обеспечении прогрессивного технологического и социального развития играют другие технические разработки и отрасли промышленности. Например, сложно представить себе современную энергетику без использования самых современных компьютеров и новейших информационных технологий, но и без развития энергетики было бы совершенно немыслимо создавать и эксплуатировать любую современную технику, включая вычислительную и информационно-коммуникационную [Шетулова, 2011: 197].

Пожалуй, наиболее ярким примером культивирования мифологических представлений о всемогущести науки и техники является движение трансгуманизма, участники которого считают возможным и необходимым взять дальнейший процесс эволюции под полный контроль человеческого интеллекта. По их мнению, сам по себе факт появления интеллекта не был простой случайностью. Это закономерный результат эволюционного изменения видов, предполагающий переход к целенаправленному управлению эволюционными процессами.

Правда в рассуждениях трансгуманистов присутствует весьма существенное «недоразумение», превращающее в мифологию центральную трансгуманистическую концепцию «улучшения» человека. Дело в том, что трансгуманизм призывает направить усилия науки и техники на преобразование физических и психических возможностей человеческих особей, в том числе, с целью их адаптации к той окружающей среде, которую человечество делает все менее пригодной для «естественного» человеческого организма. Трансгуманизм хотел бы превратить живой организм в своего рода био-конструктор, испорченные (или даже просто непонравившиеся или надоевшие владельцу) детали которого могут быть в любую минуту без затруднения заменены. Такая технологически усовершенствованная человеческая особь (а, точнее, постчеловек, поскольку речь уже идет о новом, разработанном и созданном с помощью науки и техники виде живого существа) не будет подвержена болезням, приобретёт устойчивую психику (не замутненную ничемными и ненужными человеческими чувствами, эмоциями и страстями) и в конечном счете станет бессмертной (идея имморализма), что позволит ей функционировать в любых условиях и в любой точке Вселенной, включая испорченную промышленно-хозяйственной деятельностью человечества

биосферу Земли. По существу, трансгуманизм признает тот факт, что в результате технико-технологической деятельности экология безвозвратно нарушена, ситуация будет только ухудшаться, и мы ничего не можем с этим поделать, не можем научиться создавать технику, которая не вредила бы здоровью человека и окружающей среде. Тогда давайте наделим человека неисчерпаемыми адаптационными способностями (лучше сразу бессмертием), чтобы он сам мог подстраиваться под любую среду обитания и счастливо жить в отравляемой промышленностью атмосфере. Но кто даст гарантии, что «улучшение» человека окажется более успешным, чем осуществляемое на протяжении нескольких последних столетий активное «улучшение» природных условий человеческого существования? Вопрос, скорее, риторический, но крайне важный для понимания мифологической сути трансгуманистических и других, подобных им, научно-технических перспектив.

Следует обратить внимание на то, что мифология трансгуманизма не только создает иллюзии безопасности и совершенства будущих (пока гипотетических) технологий изменения фундаментальных основ жизни. В мифах трансгуманизма идеализируется постчеловек. Именно он объявляется конечной целью и смыслом эволюции. Трансгуманисты насаждают образ человека как в высшей степени несовершенной, второстепенной (промежуточной) особи, требующей «доработки» и «улучшения». Тем самым разрушается ценность человека, нивелируется значимость духовного мира человеческой личности, культуры и нравственности.

Наконец, ещё один немаловажный момент: мифологизация техники имеет самое непосредственное отношение к технологиям манипулирования сознанием, которые базируются на том, что «функционально мифология регулирует человеческое поведение» [Шетулова, 2011: 196]. «Мифологизация, – писал Хьюбнер, – это утонченная технология управления массовым сознанием» [Хьюбнер, 1996: 220]. Например, спрос на некоторые современные высокотехнологичные товары формируется рекламой посредством мифологической интерпретации их значимости для индивида, лишаящей потенциального покупателя четкого представления о реальных характеристиках, возможностях и результатах использования рекламируемой техники. Таким образом подготавливается «профаный потребитель», за счет которого и существует значительная часть нынешней экономики.

Исследуя мифологизацию техники, некоторые авторы отмечают и её положительную роль в развитии культуры, прежде всего, искусства. Так, Шетулова не оценивает мифологию Вселенной исключительно в негативном ключе, как раз на том основании, что этой мифологией были вдохновлены многие творческие личности [Шетулова, 2011: 197].

И все же приходится признать, что мифологизация техники имеет гораздо большее количество отрицательных следствий. К сожалению, она является индикатором усиливающейся пассивности человека по отношению к результатам технической деятельности, смыслом научно-технического прогресса, истинным целям совершенствования технических устройств. Данное

обстоятельство многократно увеличивает риски развития техносферы. Поэтому более важным сегодня видится «развенчание» мифов техники, формирующих искаженное понимание ученым, инженером, пользователем реальных возможностей техники и своей ответственности за все те изменения, которые техника вносит в окружающий ее мир.

Список литературы

Абрамов, 2017 – *Абрамов, Р. Н.* Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР / Р.Н. Абрамов // Социологи науки и технологий. 2017. Том 8. №2. С. 61-77.

Автономова, 1990 – *Автономова, Н. С.* Миф: хаос и логос / Н. С. Автономова // Заблуждающийся разум? Многообразие форм вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 30-57.

Бердяев, 1993 – *Бердяев, Н. А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Путь. 1933. №38. С. 3-38.

Мурата, 2013 – *Мурата, Ю.* Уроки Фукусимы. Многомерность техники / Ю. Мурата // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2 (2). С. 53-61.

Хюбнер, 1996 – *Хюбнер, К.* Истина мифа / К. Хюбнер. М.: Республика, 1996. 448 с.

Шетулова, 2011 – *Шетулова, Е. Д.* Техника как миф / Е.Д. Шетулова // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы второй Международной научно-практической конференции. 2011. С. 196-198.

Юнгер, 2002 – *Юнгер, Ф. Г.* Совершенство техники. Машина и собственность / Ф. Г. Юнгер. СПб. : Издательство «Владимир Даль», 2002. 564 с.

Ясперс, 1986 – *Ясперс, К.* Современная техника / К. Ясперс // Новая технократическая волна на Западе: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники; Сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 119-146.

References

Abramov, 2017. – *Abramov R. N.* Sovetskiye tekhnokraticheskiye mifologii kak forma «teorii upushchennogo shansa»: na primere istorii kibernetiki v SSSR / R.N. Abramov // Sotsiologi nauki i tekhnologiy. 2017. Tom 8. №2. S. 61-77.

Avtonomova, 1990. – *Avtonomova N. S.* Mif: khaos i logos / N. S. Avtonomova // Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobraziye form vnauchnogo znaniya. M.: Politizdat, 1990. S. 30-57.

Berdyayev, 1993 – *Berdyayev N. A.* Chelovek i mashina (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) / N. A. Berdyayev // Put'. 1933. №38. S. 3-38.

Murata, 2013 – *Murata Yu.* Uroki Fukusimy. Mnogomernost' tekhniki / YU. Murata // Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obshchestve. 2013. № 2 (2). S. 53-61.

Khyubner, 1996. – *Khyubner, K.* Istina mifa / K. Khyubner. M.: Respublika, 1996. 448 s.

Shetulova, 2011 – *Shetulova, E. D.* Tekhnika kak mif / Ye.D. Shetulova // Aktual'nyye problemy sotsial'noy kommunikatsii: materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2011. S. 196-198.

Yunger, 2002 – *Yunger, F. G.* Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost' / F. G. Yunger. SPb. : Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 2002. 564 s.

Yaspers, 1986 – *Yaspers, K.* Sovremennaya tekhnika / K. Yaspers // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: Sb. st. / AN SSSR, In-t filosofii, Nauch. sovet pri Prezidiume AN SSSR po filos. i sotsial. probl. nauki i tekhniki; Sost. i vstup. st. P. S. Gurevicha. M.: Progress, 1986. S. 119-146.